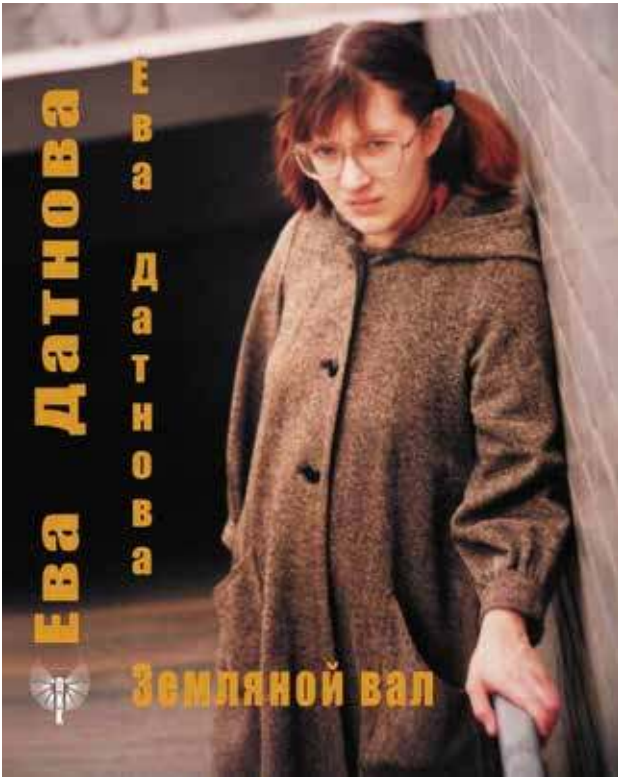

Явление Евы

Александр РЕКЕМЧУК

...В ДЛИННОМ И ГУЛКОМ подземном переходе Охотного ряда стояли нищие: не скопом, как на церковной паперти, а поодиночке, осмотрительно поделив пространство.

Старуха с протянутой рукой; безногий афганец на колесах, в камуфляже и лихо заломленном берете; цыгановатые беженцы с оравую дестей.

Кое-кто не просто выпрашивал милостыню, а честно зарабатывал кусок хлеба, брэнча на гитаре, дудя на свирели, стуча в бубны и даже приплясывая.

Еще издали я заметил малютку в обшарпанном пальтишке, круглых очках на носу, с картонным, свисающим с шеи на шнурке плакатиком. Облик малютки показался мне знакомым. И тут я вспомнил, что во вчерашних «Курантах» уже видел ее на фотоснимке, — но лицо там было смазано движением, выделялась лишь надпись на картоне: «Расскажу анекдот».

Завидев меня, малютка вдруг заметалась, норовя улизнуть, как от мента, но было уже поздно и некуда, и она покорно застыла, прижавшись спиной к грязной кафельной стенке, с ужасом следя сквозь очки за моим неотвратимым приближением...

Теперь и я разглядел малютку. Это была Ева Датнова, студентка второго курса Литературного института, занимавшаяся в моем семинаре прозы.

За те несколько шагов, что мне оставалось до нее, я мысленно перебрал варианты возможных действий: притвориться, что не узнал — мало ли тут, в подземном переходе, побирушек? И мало ли всякой голи перекатной прошло через Литературный институт? Я и сам оттуда.

Можно было просто положить в коробок на заплеванном полу бумажку в тысячу ничего не стоящих рублей и пройти мимо, не спрашивая взамен анекдота.

Теперь, вблизи, надпись на картоне прочитывалась подробнее: «Расскажу анекдот на любой вкус! Взрослые, детские, политические, сексуальные, чукотские. Оплата по договоренности».

Но мы уже встретились глазами, и все эти варианты могли бы оказаться кощунством.

ВНИМАНИЕ! РОЗЫСК!

Разыскивается Датнова Евгения (Ева) Борисовна, 1975 г.р., которая 30 июня 2002 г. ушла от гостей по ул. Паустовского (м. «Ясенево», м. «Битцевский парк»), и не вернулась домой на ул. Бойцовую (м. «Улица Подбельского», м. «Преображенская площадь»).

Рост 160 см, волосы русые с рыжеватым отливом. Была одета в красный хлопковый костюм с белой окантовкой, похожий на платье-«сафари», белые туфли

на каблук, белые со светло-голубым носочки. При себе имела красную дамскую сумку.

Особые приметы: Шрам от операции на животе. Очки минус 4,5. Носит часы на правой руке.

Телефоны: 160-12-10,
160-39-14,
160-39-51.

Я сказал:

— Здравствуй, Ева. Какая удачная встреча! Ведь завтра мы обсуждаем на семинаре твой рассказ. Мне он, в общих чертах, показался интересным. Но есть отдельные замечания по тексту...

Вкратце изложил ей эти замечания, касающиеся содержания и стиля.

Мы расстались, довольные друг другом.

Кстати, она была не Евой, а Евгенией. Но ей очень хотелось, чтобы ее называли Евой, и свои сочинения она тоже подписывала Евой. Ева так Ева.

* * *

Этот текст я написал много лет назад.

Глава залежавшейся рукописи озаглавлена: «Анекдоты в подземном переходе».

Эпизод неожиданной встречи должен был по контрасту сыграть роль некоего усмешливого перехода, мягкого подступа к изображению подлинных трагедийных событий недавней истории.

Дата зафиксирована в дневнике: 10 сентября 1993 года. Место действия обозначено не менее четко: я шел со станции метро «Охотный ряд» к Красной площади, в Кремль, на беседу с Вячеславом Костиковым, пресс-секретарем Бориса Николаевича Ельцина, в самый канун встречи российского президента с московскими писателями, опубликовавшими в «Известиях» письмо с требованием досрочных парламентских выборов.

Это было предупреждение о надвигающейся трагедии, об опасности фашистского переворота.

В воздухе пахло грозой...

И эта гроза разразилась, несмотря на тревожное письмо, несмотря на писательские голоса, прозвучавшие на встрече с президентом.

Мятежная многотысячная толпа, катящаяся по Садовому кольцу, сметающая всё на своем пути... Шеренги чернорубашечников Баркашова, вскидывающих «зиги» у Белого дома... Захват столичной мэрии... Штурм телецентра в Останкине и безжалостный расстрел осатанелой толпы... Танки на набережной Москвы-реки, бьющие прямой наводкой по зданию парламента...

Вновь и вновь пытался я подступить к книге об этих кошмарных днях. Но опять и опять откладывал, мучимый вопросами к самому себе...

Однако в ту пору я еще никак не мог предположить, что череда трагических событий, берущих разгон во времени и пространстве, — что эта череда столь загадочно и столь убийственно коснется самой малютки в круглых очках, с плакатиком на шее, случайно встреченной мною в подземном переходе у Охотного ряда.

* * *

Через год журнал «Литературная учеба» напечатал повесть Евы Датновой «Диссидеточки» (№ 6, 1994 г.).

В ней рассказывалось о детях, которые с самого что ни на есть нежного возраста участвовали в правозащитном движении. Выражаясь языком автора, «диссидеточки шастали по митингам и демонстрациям», «продавали альтернативную прессу», «таскали по адресам бумажки».

В повести был трогательный эпизод, где ребята, помогавшие разрисовывать в подвальном помещении общества «Мемориал» карту концентрационных лагерей, невзначай уснули за этой работой.

Свое послесловие к публикации повести, в том же номере журнала, я так и назвал: «Дети, уснувшие на карте ГУЛАГа».

Между прочим, в повести «Диссидеточки» был эпизод, очень близкий к изложенным выше обстоятельствам нашей случайной встречи с Евой Датновой в подземном переходе.

«...А однажды Малышка и Юлька Сокол сидели на станции метро «Китай-город» и пели что-то очень хамское и антиправительственное. Вдруг через толпу к ним протиснулась какая-то старая клюшка и сунула в кепку для денег визитку.

— Зачем это нам? — спросила Малышка.

Клюшка усмехнулась:

— А вот когда вы сядете за такие песни — я вас буду отмазывать!

Придет время — и Малышке почти наверняка понадобится помощь Дины Каминской».

Речь идет об адвокате Дине Каминской, заслужившей свою славу на процессах диссидентов, а позднее уехавшей в Америку.

Мое послесловие к «Диссидеточкам» было не единственным откликом на появившуюся повесть Евы Датновой.

В том же номере «Литературной учебы», вслед за моим, было напечатано еще и послесловие главного редактора журнала Владимира Малютина, озаглавленное «Пишите прозу, господа!».

Приветствуя, вполне очевидно, смелость в выборе темы и стилевые особенности прозы мо-

лодого автора, В. Малютин всё же счел необходимым высказать одно замечание, которое я приведу в контексте его статьи.

«...Самообнаженность, откровенность — при известном кокетстве исповедальной прозы — дают факты, наблюдения, детали и оценки, интересные именно сегодня. Многое, конечно, известно. Но, во-первых, не все. А, во-вторых, самое любопытное здесь — угол зрения. Он обозначен уже в заголовке, в язвительном словечке «дис-си-деточ-ки», звучащем

Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

А вершинной точкой этой «насмешки горькой», этого прощания с иллюзиями, изживания в себе кастовой зашоренности стала кощунственная молитва на Востряковском кладбище: поминальная, заупокойная молитва, между прочим, по живому человеку...».

Это замечание, как мы увидим далее, не случайно и, увы, прозорливо. Публикатор и автор послесловия Владимир Малютин как бы угадал судьбу повести «Диссидеточки», которая оказалась камертоном всей дальнейшей работы начинающей писательницы, и неким предвестием тех трагических жизненных обстоятельств, которые выпадут самой Еве Датновой.

* * *

Журнал «Литературная учеба», основанный Горьким еще в 1930-м году, выходил в свет с многолетними паузами, вызванными войной и другими историческими катаклизмами. Его семитысячный тираж — весьма скромный по тем временам, когда тиражи «толстых» журналов измерялись сотнями тысяч и подбирались к миллионам, — никак не делал погоды в литературе: он был предназначен именно для *литературной учебы*, для дебютов молодых прозаиков и поэтов, для профессиональных разборов их творчества мастерами и опытными критиками.

Тем не менее, дебют Евы Датновой не остался незамеченным.

Ровно через год после публикации «Диссидеточек» на страницах «Нового мира» (№ 9, 1995 г.), самого, пожалуй, солидного и академичного из «толстяков», появилась обстоятельная рецензия Дмитрия Бака на эту повесть.

В ней особо подчеркивался масштаб темы и отображаемых событий — в сочетании с особенностями юниорского письма.

«...в повести Евы Датновой каждая страница насыщена „социальной“ конкретикой, пестрит приметам так называемых «судьбоносных» событий: танки на улицах Вильнюса, смерть академика Сахарова, оба путча. И всё это — вот странность! — с точки зрения бойкого тинейджера. Нет ничего более чуждого для главных действующих лиц Датновой, чем аутсайдерство, душевные муки и поиски. Нащупать пульс времени, зорко подметить и запечатлеть мельчайшие оттенки будней — вот это им по плечу и по нраву. Предметная и фактическая достоверность нередко просто поражает. Уверен, что каждый неравнодушный московский житель разглядит в этих беглых набросках что-то свое, издавна до боли знакомое, но ранее так и не всплывшее на поверхность сознания...» — отмечает Дмитрий Бак.

Далее он — кажется, не без тревоги! — улавливает склонность молодого автора к творческим рискам.

«...И тут начинаются сложности. Так и хочется вывести из этих молодых запальчивых суждений прямые обвинения «отцам», которые продолжают разыгрывать многоходовые атаки в отсутствие противника, изощряются в междоусобицах, выдвигают из своих рядов президентов-диктаторов... Действительно, многие мнения диссидеточек резки до крайности, претензии

предъявляются реальным лицам, упоминаемым под своими именами, так что сомнений в журналистской прямоте инвектив как будто бы не остается. Однако дело не только и не столько в торопливых упреках в адрес взрослых. И даже не в ностальгии по славным временам, когда жили на белом свете многие эпизодические герои повести Датновой: Давид, русский поэт из Пярну, о. Александр, имевший приход в Новой Деревне...».

(Здесь, мне кажется, будет не лишне пояснить — время-то неотвратно движется! — что речь идет о поэте Давиде Самойлове, почившем в 1990-м году, и о священнике Александре Мене, зверски убитом в сентябре того же девяностого.)

Дмитрий Бак не обошел вниманием и стилистические особенности прозы Евы Датновой. Сделал он это тактично, хотя и не без снисходительной усмешки.

«...А как там у Датновой с «чисто художественными достоинствами», как недавно написала одна критикесса?.. А, собственно, почти никак: слишком много пока в голосе начинающего прозаика нерастроченной запальчивости, неостывшей молодой да ранней «опытности». Но это не беда, чуть позже и интонация станет поуверенней, и многословие поиссякнет, а там, глядишь, и проза, как в песне поется, сама пойдет...».

* * *

Тогда, прочтя этот доброжелательный и остроумный отзыв, я не испытал желания спорить с Дмитрием Баком и другими рецензентами (ведь были и другие), а лишь порадовался тому вниманию, которое уделила профессиональная критика повести совсем юного автора.

Однако теперь, много лет спустя, перечитывая «Диссидеточек», я вдруг обнаружил со всею непререкаемой очевидностью, что загадки ранней повести Евы Датновой, похоже, остались неразгаданными, а сама повесть — практически непонятой, недооцененной, — в том числе и мной.

Загадки эти появляются в первых же строках, в самых начальных эпизодах «Диссидеточек».

Давайте же вместе пойдем по тексту.

«Я не звала ее. Более того, я видела ее впервые в жизни.

Она переступила через порог и деловито сказала:

— Привет. Я — Малышка. У тебя есть горячий чай?

— В Греции все есть. А «Малышка» — это что, прозвище?

— Скорее, диагноз.

Когда через два часа она собралась уходить, я спохватилась:

— А ты от кого приходила?

— Сама по себе, — улыбнулась Малышка и исчезла...».

(Обязательно запомним это слово — «исчезла»!).

А чуть ниже, за отбивкой, прочтем продолжение этого текста.

«...На самом деле, у Малышки было имя — обыкновенное, даже заурядное; и была фамилия — Малышка уверяла, что болгарская, а на самом деле происхождение этой фамилии смело можно было искать на карте Белоруссии. И была дата рождения в ее паспорте, а значит, были у нее и родители — очень милые люди, хоть и со странностями. А еще у Малышки была московская прописка и свидетельство о среднем образовании. Все как у людей, не хуже.

Но вместе с тем она существовала отдельно от всего этого — Малышка, родства не помнящая, особа неопределенного и неопределимого возраста, обитающая неизвестно где, занимающаяся неизвестно чем, живущая непонятно на что, а главное — сочетающая в себе удивительную приспособляемость ко всему окружающему с инородностью по отношению ко всем и вся...».

Далее следует достаточно подробное изложение событий рождения и жизни Малышки, ее детства, школьной поры, взросления...

Но кто же тогда ведет повествование? Кто тот персонаж, который — а точнее, которая, — заявляет свое властное Я в первой же строке повести: «Я не звала ее. Более того, я видела ее впервые в жизни...»? Я — как неперменный знак и нотный ключ исповедальной прозы.

Было бы вполне уместным и практичным поискать это Я среди многочисленных персонажей повести «Диссидеточки», тем более, что встречи Я с Малышкой случаются еще неоднократно, и одна из этих встреч произойдет в самом финале повести, когда весть о том, что «Малышка исчезла» прозвучит уже не в переносном («...улыбнулась Малышка и исчезла»), — а в самом прямом и зловещем смысле этих слов.

Конечно же, есть соблазн примерить это местоимение первого лица к закадычной подруге

Малышки — Юльке Сокол, с которой мы уже встречали нашу героиню на станции метро «Китай-город», где они «распевали что-то очень хамское и антиправительственное».

Или наделить этим Я правозащитницу, активистку «Мемориала» Карину Мусаэлян, столь же часто упоминаемую в «Диссиденточках» (тем более, что это — подлинное имя и фамилия будущей писательницы Карины Аручан, автора нашумевшего романа «Полководец Соня, или В поисках Земли Обетованной»).

Но все эти соблазны и предположения меркнут перед очевидностью литературного приема, выбранного или даже изобретенного автором повести.

Ева Датнова рискнула совместить в одном персонаже своего произведения первое лицо рассказчика и третье лицо героини — они составляют единое целое, разделенное, может быть, лишь несколькими годами возраста, контрастом ранней жизненной умудрённости и бесшабашной инфантильности.

Итак, повествователь и Малышка — в одном флаконе.

И мы воспользуемся этим совмещением для того, чтобы поведать читателям факты биографии, которыми автор — родственно, щедро — поделился со своей героиней.

* * *

Ева Датнова родилась в 1975-м году в Москве.

Ее отец, Борис Евгеньевич Датнов — выпускник ВГИКа, оператор киностудии имени Горького, мать — Вера Алексеевна, старший научный сотрудник Музея истории Москвы.

В начальных главах «Диссиденточек» есть выразительные строки, характеризующие родителей: «... — Малыш, а откуда ты такая взялась? — Из пены морской. Из семьи шестидесятников породы неизлечимых. Они остались в этом времени навсегда, замкнулись в нем и заперлись на сто засовов. Читают выходящие книги, газетные разоблачения, слушают радио — родное и «вражье», смотрят телевизор и воспринимают все это с точки зрения людей своего времени. Моей маме всегда будет семнадцать, а отцу — пятнадцать, ровно столько было им, когда они познакомились на вечере поэзии в Политехническом. В кадрах фильма «Застава Ильича» они сидят рядом, в четвертом ряду. Я сбегаю от них, от их времени, хотя, может быть, именно там мне было бы лучше всего...».

Школьные годы Евы Датновой прошли в одном из самых живописных районов на северо-востоке Москвы — в Богородском, за Сокольниками.

В своей повести она не упустила из виду характерные приметы этих мест: Оленьи пруды, завод «Красный Богатырь», деревянную церковь Преображения Господня, знаменитый трамвайный круг, военный городок, мосты и зеленые берега Яузы..

Уж так случилось, что с этими местами жизнь кровно связала и меня. Именно сюда осенью 1944-го прибыл эшелон с учебными пушками на платформах, вернувший в Москву из сибирской эвакуации 4-ю специальную артиллерийскую школу, курсантом которой был и я. Трое суток несли мы вахту на станции Белокаменная Окружной железной дороги, перетаскивая на горбу военное имущество в здание спецшколы. И лишь неделей позже, выпросив увольнительную, я доехал на трамвае №4 до Сокольников, а потом на метро до Охотного ряда — и, впервые в жизни, увидел Кремль в маскировочной росписи, с зачехленными звездами башен, Большой театр в такой же хитрой маскировке, памятник Пушкину на Тверском бульваре...

В нашей спецшколе, помимо учебных занятий и воинской службы, конечно же, были и кружки художественной самодеятельности: мы пели боевые песни, читали стихи фронтовых поэтов, ставили спектакли... Но девочек у нас не было, и мы завели дружбу с женской средней школой напротив, где тоже была художественная самодеятельность, однако не было мальчиков.

Много лет спустя, с трудом переводя взволнованное дыхание, едва ли не со слезами на глазах, я водил по закоулкам Богородского режиссера киностудии имени Горького Валерия Исакова, которому предстояло снимать фильм «Нежный возраст» по моему сценарию — о тех военных годах, о тех мальчиках в погонах, о тех девочках...

Именно в эту школу, что была напротив, много лет спустя пришла учиться девочка, жившая поблизости, на Бойцовой улице — Ева Датнова.

Но мы встретились с ней еще годами позже — в аудитории Литературного института.

* * *

В этой аудитории, в семинаре прозы, которым выпало руководить мне, было немало та-

лантливых юношей и девушек, чьи имена, еще в студенческую пору, громко и внятно зазвучали в современной русской литературе.

Роман Сенчин из Кызыла, из Тувы, дебютировал книгой «Афинские ночи», сразу привлечшей внимание читателей, вызвавшей восторги и негодования критики. Рассказы и повести москвички Маргариты Шараповой составили книгу «Пугающие космические сны», которая тоже сделалась сенсацией. Повести Ильи Кочергина «Помощник китайца», «Я внук твой» удостоились солидных премий, были переведены во Франции, Германии, других странах. Проза Рамиля Халикова, Вероники Кунгурцевой, Александра Филимонова, Натальи Клевалиной, Валерия Былинского, Марии Ряховской, Кирилла Волкодаева, Владимира Березина и других молодых прозаиков составила тот необычный пейзаж русской литературы на стыке веков, который обобщенно называют *новым реализмом*...

Но и на этом впечатляющем фоне «Диссиденточки» Евы Датновой выделялись необычностью темы и жизненного материала, остротой композиции, дерзновенностью стиля.

Небольшая по объему повесть охватывала события десятилетий: пресловутого брежневского *застоя*, горбачевской *перестройки*, за которыми последовали исторические катаклизмы — путч ГКЧП, революционные события 91-го, распад Советского Союза, красно-коричневый мятеж октября 93-го...

У юного автора, у ее героини Малышки хватало ума и начитанности, чтобы сравнить эти потрясения с событиями минувших веков, с приметами литературной классики: «...Девяносто третий год, закат эры диссиденточек... Девяносто третий год... оторвать бы голову Виктору Гюго!».

Повесть была населена не только персонажами, которых уже тогда именовали «тинэйджерами», не только их родителями, их наставниками, их совратителями, но и целой галереей реальных исторических фигур, которые были знаковыми для эпохи: на страницах «Диссиденточек» мы встретим имена Андрея Сахарова и Елены Боннер, Бориса Ельцина и Руслана Хасбулатова, Юрия Афанасьева и Тельмана Гдяна, Валерии Новодворской и Олега Калугина... причем автор постарается не только показать этих персонажей издали, через головы митингующих толп, но, по-возможности, еще и столкнуться их лично с подрастающим поколением, устроить беседы с глазу на глаз, свести в лобовых конфликтах...

Этот смелый прием, как мы увидим вскоре, разовьется безудержно в следующих работах Евы Датновой и приведет уже не к вымышленным, не к книжным, а к вполне реальным и опасным жизненным конфликтам.

Здесь необходимо подчеркнуть, что эпоха яростных событий, которая изображена в «Диссиденточках», была каждодневно, ежечасно и даже сиюминутно связана со средствами массовой информации — газетами, радио, телевидением, — и нашими, но стоящими подчас по разные стороны баррикад, и «вражьими», как это уже было иронично обозначено выше самим автором повести.

А кроме того, мир всепроникающей информации — еще на пороге эпохи компьютеров, Интернета, социальных сетей, — был расширен и усилен не знающим границ рукописным и машинописным хозяйством *самиздата* и *тамиздата*.

Ева Датнова, как и многие ее друзья и подруги, со школьных лет устремилась в журналистику, в газетный мир. Она сотрудничала с «Московским комсомольцем», «Курантами», «Учительской газетой». Так же активно работала в полуполиграфических листках правозащитных организаций. Но с еще большим упоением исписывала — школьной ручкой, на бумаге в клеточку, — страницы рукописного журнала «Шанхай», которые достаточно подробно, даже с избытком, цитируются в ее повести.

Итак, попробуем обобщить все эти приметы: абсолютная свобода перемещения в пространстве и времени; варьирование первого, второго, третьего лица в повествовании; густая населенность текста реальными персонажами наряду с героями вымышленными; использование печатных и рукописных текстов, подлинных и мнимых документов...

За всем этим угадывается творческая одержимость, необоримое стремление уйти от штампов, увести прозу наступающего века и тысячелетия от канонов классического письма и, уж подавно, от расхожей коммерческой беллетристики — к новым и дерзким технологиям, которые вскоре нарекут *постреализмом*.

И тут уже выстроилась череда: *постмодернизм*, *новый реализм*, *постреализм*...

Поневоле вспомнишь эпизод из гениального фильма Федерико Феллини «Сладкая жизнь», где грудастая американская кинодива Сильвия, которую играет Анита Экберг, отвечает на вопросы журналистов в римском аэропорту.

— Вы спите в ночной рубашке или пижаме?

— Я сплю в двух капельках французских духов...

— Есть ли будущее у неореализма?

Прыткий секретарь кинозвезды шепчет ей из-за плеча: «Скажите — да!..».

* * *

Но возвратимся к содержательному ряду.

По сути, повесть Евы Датновой «Диссиденточки» — вся, от начала до конца — изображает катастрофу. Срыв в пропасть. Развал страны и общества, развал личности. Крушение самых светлых надежд и устремлений, невыносимое разочарование, которое особенно сильно травмирует юные души.

Всё это проявляется, буквально и кричаще, почти на каждой странице.

«Было страшно, а стало стыдно... — думала Малышка. — Все слишком невероятно, слишком ненастояще...».

«Да, — думала она, шагая по Цветному бульвару, — все умирает, все рушится, а взамен не приходит ничего!».

При этом крепче других достается именно правозащитникам, еще вчера ходившим в героях и увлекавших за собою молодежь, правозащитным организациям, еще недавно претендовавшим на ореол гражданской святости.

«...В итоге нам всем вежливо улыбнулись и сказали «Спасибо», — за фундамент Свободы, пусть хлипкий, но так трудно сложенный из диссиденточных нервов и тюремных сроков. А потом — забыли. Вернее, память осталась, но лучше забвение, чем такая память! Яркий пример — раздолбанный «Мемориал», раздираемый амбициями и разборками... Вот она, девичья память Истории, вот она вся во плоти...».

И здесь, впервые в тексте, вместо слов «диссиденты» и «диссидеды», вместо счастливо найденного слова «диссиденточки», вынесенного автором в заглавие повести, — вдруг появляется пронзительное словцо «диссидурочка», адресованное, как можно догадаться, и себе самой.

* * *

Казалось бы, здесь самое время и самое место перейти к финалу повести Евы Датновой, наполненному уже откровенным трагизмом, столь близким к ее собственной судьбе.

Но я погожу это делать...

Ведь речь покуда идет о самом первом ее произведении, появившемся в печати. И, соот-

ветственно, именно это произведение открывает ее книгу, которую читатель держит в руках.

Повесть «Диссиденточки»... Что же за этим последовало, что было дальше?

В том-то и казус, что у нее не было ни малейшего желания уходить от этой столь резко и жестко заявленной темы.

Более того: в «авторском портфеле», в «письменном столе» Евы Датновой (о, боже, как вычурно и как нелепо звучат эти привычные определения писательского обихода в применении к девочке с косичками, вчерашней школьнице, студентке начальных курсов!), но это именно так: в ее портфеле, в ящике домашнего письменного стола лежал недописанный роман, еще более острый, размашистый и рискованный, чем «Диссиденточки».

Хуже того: она и не смогла бы откреститься от него, поскольку главы этого романа — в рукописном, машинописном, ксероксном варианте, — уже гуляли по ближним и дальним пространствам, восвояся и «за бугром», уже обрели там своих читателей, терпеливо ожидающих продолжения...

Она начала писать «Земляной вал» в четырнадцать лет.

Тогда она еще не звалась Евой, а была Женей, Женькой Датновой и, соответственно, ее повествование вела девочка по имени Женька Дахно...

Впрочем, нет, не так, а еще заковыристей.

Первой частью романа сделались якобы воспоминания, якобы мемуары, якобы ее бабушки, которую, тоже якобы, звали Анной Гинзбург.

Именно она, бабушка, сама утверждает это в темпераментном авторском предисловии:

«...Я — человек неорганизованный. Если что-нибудь захочу сделать — начну и тут же брошу. Вот уже пятнадцать лет я собиралась написать книгу воспоминаний. Собиралась и собиралась. И без конца клялась, что в конце концов напишу ее. Клялась в основном у гроба близких мне людей. И все равно — нарушала клятву.

Я — человек эгоистичный. Воспоминания я решила написать лишь перед самым собственным уходом. Так что если вдруг кому не понравится — высказать мне претензии они смогут лишь на том свете...».

Право же, подобные пророчества вгоняют в дрожь. Тем паче, если они написаны (или записаны) рукой четырнадцатилетней девочки.

Но именно это утверждает и сама Анна Гинзбург:

«...Я — человек ленивый. Свои мемуары я так и не удосужилась переписать собственной рукой. Поэтому, пользуясь случаем, хочу выразить глубокую признательность моей внучке — за самоотверженное переписывание моих бредовых мыслей...».

В дальнейшем, (когда, вероятно, появится необходимость предъявить любопытным читателям или строгим правоохранительным органам черновики этих рукописных мемуаров), — вдруг выяснится, что таковых нет и в помине, поскольку запись бабушкиных бредней велась не на бумаге, а на магнитофонной ленте.

А между тем, бабушке было о чем рассказать. «...Я родом с Майдана. С настоящего местечкового Майдана — с его руганью, знаменитыми лавочками и слепыми скрипачами...».

Судя по всем приметам, имеется в виду польский, варшавский Майдан. Однако семейная генетика еще более сложна и экзотична: отцом Анны был индус, грузчик-кашмирец, что в дальнейшем позволит автору протянуть индоевропейские линии сюжета вплоть до страны Махатмы и Индиры Ганди; мать же была родом из Гамбурга, что найдет выражение в немецком акценте ее польской речи и в склонности к разгульной портовой жизни... Впрочем, в предвоенную пору, когда она выйдет замуж за Марка Гинзбурга, а тем более — в годы немецкой оккупации, когда семья окажется за оградой варшавского гетто, эта очевидная цыгановатость облика и характера матери и дочери спасет им жизнь...

Передраги жестокой и непредсказуемой эпохи забросят юную Анну Гинзбург в Советский Союз, в самый канун нападения Гитлера на страну победившего социализма.

И здесь мы особо выделим те обстоятельства дальнейших приключений Анны, которые приведут ее к сердцевине романа, к его главным событиям.

Она мечтала поступить в Ленинградский педагогический институт или в питерский университет, на философский факультет. Но, как уверяет она сама в своих исповедальных мемуарах, «... в сороковом году (не везет мне, сироте!) на все гуманитарные факультеты был страшный конкурс, в отличие, скажем, от Москвы, где все ломилось как раз на точные науки... И тогда кто-то посоветовал мне пойти на физический факультет...».

И — чуть дальше: «... Дура я, дура! Знать бы заранее, на какую жизнь я добровольно обрекла себя!».

Так она сделалась не философом, а физиком. Через несколько лет прилежной учебы и самоотверженной работы — а этот период совпал с войной, — она оказалась в числе сотрудников знаменитого Физического института Академии наук СССР.

« ... В 1947 году, во время обновления состава группы по разработке ядерного оружия в СССР, Игорь Курчатов представлял меня новичкам:

— А это — мой зам по технической части. Как крестили — все забыли, зовем просто Лакшми. Бомбовик-любитель (официально я занималась энергетикой, а в этой группе время от времени работала «от любви к искусству»). Женщина честная, нравственная, неверующая. Происхождение — чисто пролетарское.

Как только Игорь Васильевич произнес эти слова, на меня быстро посмотрел один из новоприбывших — и положил начало...

Нет-нет, об этом позже...».

Однако мы не можем откладывать на «позже» то, чему было «положено начало» на этом организационном совещании по разработке термоядерной бомбы.

Поскольку те, кто уже прочел роман «Земляной вал», знают, что «одним из новоприбывших», который «положил начало», то есть «положил глаз» на представленную Курчатовым молодую сотрудницу под именем Лакшми (секретность работы вынуждала изменять подлинные имена и фамилии, но мы отважимся назвать это ныне всемирно известное имя), — был Андрей Дмитриевич Сахаров.

* * *

У меня нет намерения излагать своими словами перипетии любовного романа Анны Гинзбург и Андрея Сахарова, тем более, что мне, как и всем читателям «Земляного вала», известно — с подачи самого автора, — что это история вымышленная от начала до конца.

Но, в равной мере, не является секретом и то, что у Андрея Дмитриевича Сахарова до его встречи с Еленой Георгиевной Боннер была жена — Клавдия Алексеевна Вихирева (1919—1969), были дочери Татьяна и Любовь, сын Дмитрий.

Появление в его жизни Елены Боннер было событием не только и не столько житейским, сколько судьбинным, фатальным, сакральным, богоносным...

И здесь очень важно заметить, что Ева Датнова в своем сочинении тоже уловила этот мо-

тив, размышляя о встрече Анны Гинзбург с Андреем Сахаровым.

Давняя подруга Анны — Янина Жеймо, знаменитая киноактриса, сыгравшая Золушку (что тоже, конечно, прелестная выдумка автора «Земляного вала»), — после знакомства с Андреем Сахаровым говорит ей:

« — Да, вкус у тебя хороший, не будем спорить, — и одобрительно кивнула. — Но только извини, тут тебе ничего не светит. Ты — потенциальная святая. А он — сам блаженный. И уж конечно, изо всех сил попытается разыскать себе великомученицу...».

Это ли не адресовано самой Елене Боннер?

Перечитывая роман Евы Датновой через много лет после того, как он был написан, я не раз поражаюсь ее провидческому дару, угадыванию людей и событий, о которых ей наверняка не было известно.

Вот один из разительных примеров.

Повествуя о том, как Анна Гинзбург пришла работать в Курчатовский ФИАН, в команду советских ядерщиков, она не забыла о том, что у ее героини был сын от предыдущего замужества, которого звали Лёвкой.

В романе есть эпизоды, где этот мальчик слоняется по коридорам секретного научного института (а куда же бедной маме его девать?..) и, порою, даже достаивается внимания взрослых дядек, изобретающих атомные бомбы...

И далее нам предлагается любопытная интроспекция.

«...Кстати, о Лёвке. Он по иронии судьбы, когда вырос, сам стал физиком. Причем ядерщиком. Году эдак в восемьдесят седьмом, когда имя Сахарова уже можно было произносить без прибавления бранных эпитетов, Лёвка, вспоминая ад восемьдесят третьего — восемьдесят четвертого, сказал с гордостью порядочного человека:

— А я вот никогда не ругал Сахарова!».

Забавно, не так ли?

Но в самые недавние годы пресса вдруг воспылала интересом к другому мальчику, эдакому новоявленному Мальчищу-Кибальчищу, имя и образ которого раньше утаивались, и который еще ждет своего новоявленного Аркадия Гайдара.

Речь идет о Коле Дмитриеве, девятилетнем мальчике из Тобольска, который в раннем детстве проявил исключительные математические способности, близкие к гениальности. По решению Наркомпроса РСФСР он вместе с родителями был привезен в Москву, определен в МГУ,

а в первый послевоенный год был направлен в секретный Саров, в теоретический сектор Института химической физики, и там был подключен к работам по советскому ядерному проекту.

К нему обращались за консультацией академики Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, А. Д. Сахаров... Печатные источники рассказывают о том, как в 1954-м году Николай Дмитриев читал лекции по физическим основам термоядерных бомб для руководителей КБ-16 (Арзамас-16) во главе с Ю. Б. Харитоном.

Академик Я. Б. Зельдович рассказывал о нем: «...У Коли, может, единственного среди нас, искра Божия. Можно подумать, что Коля такой тихий, скромный мальчик. Но на самом деле мы все трепещем перед ним, как перед высшим судьей».

Ах, эта выдумщица — Ева Датнова!

* * *

Угнетало предчувствие того, что с «Земляным валом», хотя он еще и не окончен — хотя он еще и «в чернильнице», как говорят пишущие люди, — что с этим романом могут возникнуть нешуточные проблемы...

Кроме того, я видел, что молодая писательница явно заиклилась на теме «диссидедов», «диссидеточек» и «диссидурочек», столь лихо раскрученной в недавней повести. А это было чревато топтанием на месте.

Что делать? Где искать выход из тупика, обнаружившегося столь рано?

К чести Евы Датновой, она сама нашла его решительно и безошибочно.

Городская девочка, выросшая в интеллигентной столичной семье, с детских лет отиравшаяся в Доме кино и в молодежных тусовках сомнительного пошиба, вдруг вспомнила, что ее корни — в подмосковной безвестной деревушке.

Так появилась повесть «Возле Белого Камушка», которую тоже напечатала «Литературная учеба».

«...пятнадцать квадратных километров чернозема, где люди разговаривают с яканьем и гэканьем, где выращивают в садах виноград и дыни, а в полях — кукурузу мокрохвостую, откуда никогда никуда не ездят, а только восхищенно слушают, как транзитом идут астраханские, саратовские, краснодарские, тамбовские...

Там живут самодовольные провинциалы, ничего не желающие знать — им все наперед известно. Там живут крестьяне, непоколебимо ве-

рующие в Бога и во все, что печатают газеты. Там живут веселые и мужественные люди, которые боятся только цыган и шаровой молнии...».

Любопытно, что смена места действия — со столичных просторов на околицу среднерусской деревни, смена, так сказать, контингента — от рафинированной и вольнодумствующей публики в среду сиволапого мужичья и бабья, — никак не повлияли на творческую манеру молодой писательницы.

Она и здесь сохранила прием монтажа коротких, напрямую не связанных меж собою эпизодов; смело погружается в стихию прямой речи — диалога, полилога, — хотя уже ясно, как различны эти речевые стихии; совершенно не меняет доверительных интонаций авторского повествования.

В «Белом Камушке» почти физически ощутимо приволье материала. Действие легко и естественно перетекает из двадцатого века в девятнадцатый и даже восемнадцатый. Герои, при всей их пестроте, узнаваемы, характерны. Бытовые сцены перемежаются легендами про графа Шереметева, про Клима Ворошилова, про Никиту Хрущева, старыми песнями о главном и неглавном, частушками, прибаутками.

Нет-нет, эта повесть — не колхозная комедия с переплясом. Она вся в реалиях современной жизни.

«... — О-о, — убивались в восемьдесят пятом году восемь из девяти рожениц, узрев мальчика, — вырастет и пойдет служить в Афганистан!

Верку это потрясло: женщины не сомневались, что война будет идти и через восемнадцать лет. Не та, так другая.

А ведь именно в Серебряные Пруды пришли первые цинковые гробы из афганской земли. Но именно в Серебряных Прудах никто не пытался спасти сыновей из горячих точек. Материнская доля была — сетовать на судьбу, но не стараться ее изменить...».

Еще одна большая и трагическая тема касается людей, что родились русскими в республиках советской империи, ставших в 1991 году за границей. Они еще в детские годы вкусили там всю горечь менталитета национального меньшинства, узнали, что такое антирусские погромы, узнали, что и родина бывает чужбиной.

Литературный институт всегда гордился тем, что в его стенах учились представители всех советских народов, включая даже Зелымхана Яндарбиева, писателя, экс-президента мятежной Чечни: мне случалось беседовать с ним в зеленом сквере у Дома Герцена.

Но теперь я замечал, что среди студентов — немало русских парней и девушек, бежавших из Киргизии, Туркменистана, Тувы. В их творчестве присутствовал трагедийный мотив — судьба изгоев.

А вот как эта тема отразилась в повести Евы Датновой:

«...В Пруды понаехало много беженцев из Казахстана, Туркмении, Молдавии, все больше интеллигенция. Сильнее всех были этому счастливы директора трех прудских школ: наконец-то штаты оказались полностью укомплектованными...

Всё. Велика Россия, а бежать некуда...».

* * *

В 1997-м году она окончила Литературный институт.

Теперь перед юной выпускницей стояли не только творческие, но и острые жизненные проблемы: нужно было искать работу, желательно по специальности, зарабатывать деньги, помогать семье, тем более, что семейства прибыло — у Евы родился сын, которого она назвала Марком, Маркушей. В ее дневниках той поры много записей посвящено здоровью, постижению мира растущим мальчиком.

Я старался привлечь Еву Датнову к насущным темам работы Независимого издательства «Пик», которое существовало еще с перестроечных советских времен.

Именно в «Пике» были изданы книги «Pro et contra» Андрея Дмитриевича Сахарова, «Звонит колокол. Год без Сахарова» Елены Боннер, «Зияющие высоты» Александра Зиновьева, «Исповедь на заданную тему» Бориса Ельцина, сборники острой публицистики ««Апрель» против «Памяти»», «Рыцари без страха и упрека», «Между прошлым и будущим»...

Готовилась серия «Адвокаты свободы», которую мы решили открыть книгой об известном петербургском адвокате и правозащитнике Юрии Марковиче Шмидте, первом лауреате премии «Фемида». Туда должны были войти статьи Сергея Ковалева, Генри Резника, Бориса Золотухина, Галины Старовойтовой, Елены Катерли, посвященные бесстрашному адвокату, материалы громких процессов с его участием.

И еще мы хотели, чтобы основой книги стал подробный биографический очерк о жизни и профессиональной деятельности Юрия Шмидта с вкраплениями его собственных живых воспоминаний...

За эту работу взялась Ева Датнова, у которой уже был немалый опыт журналистской работы.

Хорошо помню нашу первую встречу в высотке на Новом Арбате, куда приехал из Санкт-Петербурга Юрий Маркович Шмидт, а из родительского дома в Богородском добралась Ева Датнова.

Обговорили план предстоящей работы.

Включили диктофон.

И через несколько месяцев у меня на столе лежала типографская вёрстка, готовая к печати...

Именно тогда произошла еще одна встреча, о которой я должен непременно рассказать.

В «Пик» приехала Галина Старовойтова — депутат Государственной Думы, видный историк, этнограф, социолог и общественный деятель, женщина, имя и образ которой еще в восьмидесятые годы сделали легендарными.

Мы были знакомы с нею именно с тех восьмидесятых: тогда за «круглым столом» в редакции «Литературной газеты» собрались известные писатели, критики, общественные деятели, чтобы обсудить появившуюся на страницах журнала «Знамя» посмертную публикацию писателя Владимира Тендрякова — его повесть «Охота», где были изображены аудитории Литературного института конца 40-х, студенческое общежитие в подвале того же здания, в котором, среди ночи, арестовали молодого поэта Наума Коржавина... охота на «космополитов»... разгул нацистского террора в стране, победившей германский фашизм...

Среди участников того «круглого стола» была и Галина Старовойтова, ученый и политик из Ленинграда, выступление которой было содержательно, ярко.

(Кстати, отчет об этом литгазетовском «круглом столе» так и остался неопубликованным.)

Вот с тех самых пор я мечтал издать книгу Галины Васильевны Старовойтовой.

Много раз говорил с ней об этом. Она загоралась творческим замыслом, обещала отринуть суету, сесть за стол, написать... Но эпоха была неужённой, звучной, страстной, и по-прежнему ее чаще можно было видеть не за письменным столом, а на трибуне.

И вот она, с очевидным интересом, листает книгу Юрия Шмидта.

А я рассказываю ей о девочке, выпускнице Литературного института, которая профессионально и даровито помогла знаменитому адвокату довести до широкого читателя события его жизни и профессиональной деятельности...

— Хорошо, — сказала Галина Васильевна. — Завтра я уезжаю на несколько дней домой, в Питер. Захватчу с собою ваши новые издания, думаю, что они и там привлекут внимание... А через несколько дней вернусь в Москву, сядем с вашей девочкой за стол, запремся от всех докук — и включим диктофон...

Длинным коридором провожал ее к лифту, она катила за собою сумку на колесиках, битком набитую книгами. Внизу ждала машина.

Я поспешил к телефону, чтобы предупредить Еву Датнову о предстоящей работе.

Она была в восторге от этой новости.

...А через день из Петербурга пришло сообщение о том, что Галина Васильевна Старовойтова убита, расстреляна в упор из автомата неизвестными людьми в масках, в подъезде дома на канале Грибоедова, за несколько ступенек от двери своей квартиры.

* * *

Одним из важных событий литературной жизни самого начала нового века и нового тысячелетия, на мой взгляд, следует считать «Круглый стол», посвященный проблемам молодых писателей, который состоялся в Москве 18-го апреля 2001 года в Фонде социально-экономических и интеллектуальных программ, более известном как Фонд Филатова.

Открывая эту встречу, Сергей Александрович Филатов — в недавнем прошлом руководитель Администрации президента Российской Федерации, — обратился к ее участникам с просьбой откровенно и по-деловому обсудить назревшие организационные и творческие проблемы.

Дискуссия была изрядно подогрета одним неожиданным обстоятельством — презентацией в Центральном доме литераторов массивного тома «Русские писатели 20 века». В этом добротном энциклопедическом издании, к всеобщему изумлению, не оказалось имен Антона Павловича Чехова и Льва Николаевича Толстого, хотя они благополучно дожили до девятьсот четвертого и девятьсот десятого годов предреволюционной эпохи, а вот Максим Горький был...

Включившись в спор по этому поводу, я, в частности, высказал такие резоны: «...Я убежден, что мастера литературы старшего поколения, присутствующие за этим «круглым столом», еще сделают очень много и в наступившем веке, но, дорогие коллеги, при всем при том мы останемся в веке двадцатом, а новый век

принадлежит уже следующему за нами поколению...».

В том, уже отдаленном времени разговора приняли участие известный прозаик, профессор Литературного института Владимир Орлов, поэты Татьяна Кузовлева и Надежда Кондакова, главный редактор журнала «Октябрь» Анатолий Ананьев, главный редактор «Нового мира» Андрей Василевский, заместитель главного редактора «Знамени» Наталья Иванова, главный редактор «Дружбы народов» Александр Эбаноидзе, «Вопросов литературы» — Лазарь Лазарев, «Иностранной литературы» — Алексей Словесный, Русский Пен-центр представлял Андрей Дмитриев, писательское сообщество — Алексей Бархатов.

Были услышаны и голоса молодых — Романа Сенчина, Евы Датновой, Ильи Кочергина, Маши Ульяновой, Александра Викорука, Ольги Заровнятных...

Сейчас, перечитывая стенограмму и газетные публикации, посвященные «круглому столу» той стартовой поры *нулевых*, я искренне радуюсь тому, что эти разговоры не прозвучали впустую, не остались *на нуле*, что они дали ощутимый результат.

Вот уже добрый десяток лет в подмосковных Липках проводятся ежегодные Форумы молодых писателей России — и эти творческие праздники обрели всеобщее заслуженное признание.

Под крылом Филатовского Фонда выходит Интернет-журнал «Пролог», в котором осуществились творческие дебюты многих талантливых поэтов, прозаиков, драматургов, критиков.

Именно в «Прологе» нашел достойное применение разносторонний дар Евы Датновой.

Здесь, а также в журнале Союза писателей Москвы «Кольцо А» появились ее объемные и полемически-острые статьи о проблемах современной литературы: «Кир Булычев и другие. Детская фантастика как средство социальной сатиры»; «Карлсон энд Карлсон, или шведский язык — важнее шведской литературы?»; «Средний стиль» — анализ тенденций новой прозы...

В «Кольце А» были напечатаны и новые ее рассказы, а «Новый мир» (№2, 2002 г.), когда-то напутствовавший дебютную повесть «Диссиденточки», опубликовал цикл рассказов «Война дворцам», в которых опять нашли применение смелые приемы совмещения исторических времён и земных пространств.

Издательство с громким титулом *Academia* выпустило в свет первую книжку прозы моло-

дой писательницы, куда вошли повесть «Возле Белого Камушка» и ее рассказы.

Ева Датнова была принята в Союз писателей Москвы.

Но по-прежнему ее душу угнетала и томила судьба неопубликованного романа «Земляной вал». Вновь написанные части этого произведения изображали людей (скажем деликатней — персонажей), которые еще недавно выдавали себя за праведников диссидентства, поборников свободы слова и литературного творчества, а теперь — разъярясь похлеще иных цензоров! — тащили на скамью подсудимых талантливую девочку, давшую простор своей фантазии...

И здесь важно заметить, что в финале своего романа, трагедийного по форме и сути, Ева Датнова — опять-таки, в присущей ей размашистой манере, — постаралась наполнить повествование искренним оптимизмом молодости.

«...А в Москве было все по-старому, как сто, триста, пятьсот и тысячу лет назад (не верьте байкам о восьмистах с половиной!). Империя Третьего Рима переживала очередной упадок.

И что из этого?

Ровным счетом ничего!

Нет ничего страшного в том, что все в очередной раз возвращается на круги своя, может быть, это даже к лучшему, потому что теперь уже никто не сможет столкнуть нас с нашего третьего места в мировой истории, а четвертое, известно, решено не присуждать...

Все возвращается на круги своя, как и положено. На смену прошлому поколению выросли юные, в конце-концов им все-таки уступят место, и они будут делать те же дела... Сколько будет дел? На их век — достаточно».

* * *

Утром, как обычно, купил газеты в киоске у станции метро «Парк культуры». На ходу развернул «Московский комсомолец». Бросилась в глаза обведенная рамкой заметка: «Внимание! Розыск!» — и фотография, очень знакомое лицо...

Застыл в оторопи.

«Разыскивается Датнова Евгения (Ева) Борисовна, 1975 г.р., которая 30-го июня 2002 г. ушла от гостей по ул. Паустовского (м. «Ясеново», м. «Битцевский парк») и не вернулась домой... Рост 160 см., волосы русые с рыжеватым отливом. Была одета в красный хлопковый костюм с белой окантовкой, похожий на платье-«сафари», белые туфли на каблукках... При себе

имела красную дамскую сумку... Особые приметы... Телефоны...».

Позвонил матери Евы — Вере Алексеевне. И сразу же, по ее голосу, понял, что это не чья-то дурная шутка, не журналистский прикол.

Да, ушла на день рождения к подруге, журналистке Евгении Озеровой, посидели вдвоем, больше никого не было, ушла домой засветло, но так и не появилась дома. Случилось это две недели назад... Уже подано заявление в милицию, ищут, подключилась прокуратура, обзванивают коллег и знакомых... Солдаты прочесывают Битцевский лес...

И вот опять, как в самом начале этого послесловия — дневниковая запись.

«...Во вторник, 30-го июля, я был в Преображенской межрайонной прокуратуре, где следователь Артем Валентинович Козин беседовал со мною по делу о розыске Евы Датновой... Дело уже квалифицируется, как дело об убийстве.

На следующий день рассказал Вере Алексеевне о беседе со следователем.

Она сказала, что пять дней тому назад был звонок: звонил мужчина, который сказал, что видел в районе Преображенки девушку, похожую на ту, что объявлялась в розыск: она была или пьяная, или обкуренная, заговаривалась...

И откуда это — единственная надежда на то, что Ева Датнова жива...».

Но и в последующие дни, недели, месяцы подобные сообщения о *явлении Евы* множились, приобретая характер мистических легенд: кто-то видел ее в окне проезжающего мимо трамвая; кто-то заметил среди прихожан церкви; кто-то встречал в переулке близ Литературного института — она, она, да я сразу же узнал! ведь вместе учились!..

Появлялись и легенды иного толка: мол, уехала в другой город, подальше от Москвы; зашла в деревеньке, вроде той, что в ее повести «Возле Белого Камушка»; свалила за бугор, за границу, ведь она и в Прибалтике — свой человек!..

А потом потянулись годы безвестия, унылых надежд.

Эти тающие надежды как бы проецировались на судьбе «Земляного вала», романа Евы Датновой, который оставался неопубликованным и существовал лишь в рукописи, набранной на компьютере Евгенией Озеровой (ведь сама Ева так и не успела подружиться с *компьютером*).

Несколько раз я подавал заявки от «Пика» на издание книги Евы Датновой — всего того,

что было опубликовано в «Литературной учебе», в «Новом мире», в «Прологе», в ее единственной тонкой книжице. А также — непременно! — ее романа «Земляной вал», который оставался недоступным для читателей вот уже десяток лет.

И вдруг, на исходе 2012-го — столь неожиданно, что это, опять-таки, обрело мистический оттенок! — очередная заявка получила «зеленую улицу».

Мы взялись за дело. Я созвонился с Верой Алексеевной, только что перенесшей тяжелый недуг, но воспрянувшей, узнав о книге. Евгений Борисович, отец Евы, привез в Литературный институт толстую папку с публикациями, рукописями, дневниками дочери. Встретились с Женей Озеровой на телестудии «Подмосковье», где она в ту пору работала редактором, — и полный текст «Земляного вала» лёг на редакционный стол.

Я опять погрузился в чтение «Диссиденточек» — той самой первой повести, что обозначила в современной русской литературе имя Евы Датновой.

Давно знакомая героиня — Малышка. Ее друзья и подруги. Москва восемьдесят девятого, девяносто первого, девяносто третьего. Ставшие историческими фигуры ушедшей эпохи. Пылкие речи, яростные споры, монологи отчаяния...

Всё было узнаваемым, памятным до мелочей, несмотря на то, что после первых прочтений повести минули годы и годы.

И вот тут, уже приближаясь к финалу, я вздрогнул.

«...Малышкин телефон молчал. Дома ее не было, а ее родители горестно отмахивались от меня: «Шляется где-то!».

— Где Малышка? — спрашивала я всех общих знакомых.

— Ищи в центре, — отвечали самые умные.

Я бегала по Арбату, вокруг Патриарших прудов, в районе Пречистенки и Красных ворот, спрашивала о ней знакомых и незнакомых.

Малышка исчезла».

Итак, она *написала об этом сама*.

Написала *за много лет* до случившегося.

Читатель, конечно же, помнит, что в самом начале повести «Диссиденточки» было четко обозначено раздвоение героини на два лица: безымянной Я, ведущей повествование, и некой весьма узнаваемой Малышки, которая, явившись на

первой же странице повести, тотчас уходит в нелюбопытности: «... улыбнулась Малышка и исчезла».

Но там, в начале, этот прием был вполне условным, его функцией было усложнение структуры, которое позволило автору соединить в одном произведении исповедальность первого лица с многоплановым повествованием: героини чередуются, предлагая нашему вниманию различные углы и точки зрения.

Почему же мы раньше не придали должного значения исчезновению Малышки? Почему не уловили в полной мере трагедийную суть подобного финала?

Почему я лично, старый пень, забыл об этом финале? Почему он так ошеломил меня лишь в новом прочтении?

Да потому, что тогда — в «Диссиденточках», — Малышка *нашлась!*

«...Я плелась по Малой Бронной — мимо Патриарших, мимо кондитерских, мимо коммерческих ларьков и кафе «Аист», откуда доносились пьяные крики с непонятным акцентом. Вдруг вспомнилось, как Малышка, начитавшись работ Реформатского, пыталась угадывать, кто из ее знакомых откуда родом — случаях в тридцати из ста ей это даже удавалось...»

И тут я увидела Малышку. Она сидела, прислонившись к стене театра, прямо под мемориальной доской Михоэлса. Маленькая, рыженькая, сидела, сжавшись в комок и горестно подперев щеку обветренным кулачком.

— Ты что, устроила здесь себе Стену Плача?

— А хоть бы и так. Тебе-то что? — ответила Малышка безразлично.

— Да так, ничего... Послушай, с тобой рядом — можно?...».

То, что исчезновение Малышки оказалось приемом знаковым, в полной мере осозанным, сомнений не вызывает. Бесспорно, именно поэтому автор закольцевал данный мотив: Малышка исчезает в самом начале повести — исчезает и в ее финале.

Но то, что героиня всё-таки *нашлась*, говорит и о том, что Ева Датнова увидела трагедийную суть своей ранней повести не в физическом исчезновении героини — тем более, что она *нашлась!* — а в *потерянности* всего юного поколения на переломе и стыке эпох, веков, тысячелетий.

Ну, как же здесь не вспомнить один из эпиграфов Эрнеста Хемингуэя к роману «Фиеста», который, впрочем, вложен им в уста доброй знакомой, писательницы Гертруды Стайн: «Все вы — потерянное поколение».

Однако дотошные исследователи жизни и трудов классика настаивают на том, что укор Гертруды Стайн был адресован ею всего лишь шоферу, никак не умевшему завести автомобиль, а Хем, дескать, услышал и обобщил...

Что ж, в финале повести Евы Датновой безысходные и горькие слова тоже имеют смысл откровенного обобщения.

«...И не будет ни обещаний, ни завещаний, ни осмысления, ни покаяния.

Кто будет обещать? Им нужно жить, устраиваться в жизни так, чтобы жить по возможности по-человечески.

Кто будет завещать? Они уже умерли.

Кто будет каяться? Они — никогда не раскаются!

Кто будет осмысливать? Мы?

Мы и так смертельно устали.

Дайте нам отдохнуть».

* * *

Я назвал это послесловие так, как оно озаглавлено, не только потому, что первое, почти полное, собрание литературных текстов загадочно исчезнувшей молодой писательницы дает нам, увы, пока единственную возможность вернуться к жизни ее образ и ее талант.

Но еще и потому, что это — *явление Евы*, — действительно, представляет собой весьма значительное и, полагаю, долговечное явление русской литературы новых времён.